

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ – НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО ИЛИ «ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ»?

Уголовное судопроизводство, являясь тщательно детализированной процедурой, осуществляется специальными лицами – участниками, статус которых определен несколькими главами Уголовно-процессуального кодекса России (далее – УПК).

Учитывая, что определение прав и обязанностей участвующих в уголовном процессе лиц имеет кардинальное значение, необходимо уяснить, какие же субъекты, бесспорно, должны (или имеют право) участвовать в производстве по делу, а какие являются достаточно уязвимыми с точки зрения обоснованности их включения в нормы УПК, посвященные участникам уголовного судопроизводства. В частности, по нашему мнению, к таковому «спорному» участнику можно отнести подозреваемого.

Согласно ст. 46 УПК, подозреваемым является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, задержанное по подозрению в совершении преступления, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в установленном порядке.

Современный УПК, в отличие от своего «предшественника», весьма детально прописывает права и, к сожалению, менее тщательно обязанности подозреваемого в ст. 46 и ряде иных статей. Тем не менее возникает вопрос о необходимости наличия такой процессуальной фигуры, учитывая его кратковременное существование в уголовном процессе, и юридической целесообразности детализации прав данного субъекта в связи с тем, что ст. 47 УПК содержит в себе определение и описание прав и свобод «долгожителя» уголовного процесса – обвиняемого.

Неоднозначность подозреваемого как процессуально значимой фигуры имела место и при принятии Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, обсуждении проекта УПК СССР еще в 50-е гг. прошлого века.

М. Чельцов полагал, что, если необходимо получить от гражданина сведения о совершенном им преступлении, следователь может отпра-

---

* © Макаров Л.В., Портнов Ю.А., 2010

Макаров Леонид Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Самарского филиала СЮИ МВД России

Портнов Юрий Алексеевич – заместитель начальника следственной части ГСУ при ГУВД по Самарской области

шивать его только как обвиняемого, если для привлечения не вполне достаточных данных следователь должен для их восполнения обратиться к другим источникам доказательств, а не к будущему обвиняемому¹.

Л. Карнеева определяла подозреваемого как лицо, по поводу действий которого производится расследование до предъявления ему обвинения в связи с недостаточностью собранных по делу доказательств², положение его в процессе является исключительным и вызвано необходимостью собрать достаточные доказательства для предъявления ему обвинения³.

В 1958 г. точка зрения Л. Карнеевой была подвергнута критике со стороны А. Ратника, с мнением которого согласилась и редакция журнала «Социалистическая законность». По мнению указанного автора, введение в процесс подозреваемого как процессуальной фигуры привело бы к широкому нарушению прав граждан⁴. По мнению Р. Рахунова, отсутствовала практическая необходимость введения в процесс фигуры подозреваемого⁵. Член Верховного Суда Карельской АССР Р. Рябин также отрицал необходимость наличия фигуры подозреваемого⁶. Г.Р. Гольст считал, что неправильно вводить в практику какой-то промежуточный институт подозреваемых, полагая, что подобная терминология может повлечь за собой неосновательное опорочивание граждан⁷.

Анализ работ последних лет позволяет сделать вывод о некритичном восприятии норм УПК, касающихся подозреваемого.

Исследования в основном посвящены характеристике прав, обязанностей и оснований появления подозреваемого в судопроизводстве, забывая о концептуальной основе — самом факте необходимости существования исследуемого участника уголовного судопроизводства. К тому же в ряде работ указанные понятия считаются почти равноценными⁸.

Анализ норм международного права и международных договоров также позволяет судить о наличии неопределенности в статусе указанного лица.

Так, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. содержит упоминание о подозрении только как об основании законного ареста или задержания при наличии обоснованного подозрения в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения (п. в ч. 1 ст. 5 Конвенции).

При этом задержание, согласно данной Конвенции, не всегда связано только с уголовным преследованием. Оно возможно за невыполнение законного решения суда или с целью обеспечения выполнения любого обязательства, предписанного законом, для воспитательного надзора или для того, чтобы лицо предстало перед компетентным органом для

предотвращения распространения инфекционных заболеваний. Задержанию могут быть подвергнуты душевнобольные, алкоголики, наркоманы или бродяги и лица, против которых предпринимаются меры по высылке или выдаче (ч. 1 ст. 5 Конвенции).

Анализ Конституции России позволяет сделать вывод о том, что термин «подозреваемый» в ней отсутствует, только в ч. 2 ст. 48 говорится о праве на защиту задержанного.

Учитывая демократические преобразования в российском обществе, можно проследить устойчивую тенденцию к расширению прав и свобод лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. Бесспорно, это весьма актуально в настоящее время, но не стоит забывать и о том, что подобная деятельность может привести к размыванию границ процессуального статуса участников процесса. Подобное как раз встречается при разграничении правового положения подозреваемого (ст. 46 УПК) и обвиняемого (ст. 47 УПК).

Нормы УПК 1960 г. содержали в себе серьезные отличия в возможностях указанных лиц по обеспечению своей защиты, сейчас подобное отсутствует, учитывая решение Конституционного Суда России по делу Маслова⁹. Анализ соответствующих норм современного уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод о том, что правомочия подозреваемого и обвиняемого фактически идентичны, имеются лишь небольшие отличия, связанные исключительно с «продлением» существования обвиняемого в судебном разбирательстве в качестве подсудимого.

При этом п. 11 ч. 3. ст. 56 и п. 21. ч. 4 ст. 47 УПК, позволяющие подозреваемому и обвиняемому «защищаться иными средствами и способами, не запрещенными настоящим Кодексом», фактически нивелируют какие бы то ни было процессуальные различия.

Наличие подозреваемого в рамках дознания по сути своей также ничем не отличается от положения обвиняемого. Например, его уведомляют о подозрении в соответствии со ст. 223.1 УПК при получении достаточных данных, дающих основания для подозрения. Аналогичная ситуация возникает при предъявлении обвинения – постановление выносится при наличии достаточных доказательств, дающих основания для предъявления обвинения (ч.1. ст. 171 УПК)

Наличие подозреваемого можно объяснить пожалуй, только тем, что указанная процессуальная фигура достаточно удобна для органов расследования, так как допускает возможность применения мер принуждения при наличии «неуверенности» в виновности подозреваемого лица.

«Водоразделом» подозреваемого и обвиняемого является, по нашему мнению, и система ведомственной отчетности и сложившаяся традиция правоприменительной практики, требующие «соблюдения законности

при расследовании дела», потому не допускающие его прекращения после предъявления обвинения и снисходительно относящиеся к задержанию подозреваемого с последующим его освобождением в связи с неподтвердившимися основаниями задержания.

Разумеется, что на начало расследования невозможно обладать всей необходимой информацией о лице, действительно совершившем преступление, но при этом возникает закономерный вопрос о необходимости выделения специфической фигуры подозреваемого только для того, чтобы так именовать человека, по которому есть, как указывается в соответствующей Европейской конвенции 1950 г., наличие обоснованного подозрения.

Существование «обоснованного подозрения» заранее предполагает наличие фактов или сведений, способных убедить объективного наблюдателя в том, что соответствующее лицо могло совершить это правонарушение. Данная формулировка изложена в решении Европейского суда по делу Фокса, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства от 30 августа 1990 г.¹⁰

Продолжая исследование решений Европейского суда по правам человека, можно заметить, что и в его решениях отсутствует четкий критерий разграничения данных процессуальных фигур.

В своих решениях суд отмечал, что на первоначальном этапе расследования вызывающие подозрения факты еще не достигли такого уровня, который необходим для осуждения или даже для предъявления обвинения, которое происходит на следующем этапе уголовного процесса, ...ст. 5 Конвенции не предполагает, что следственные органы должны иметь доказательства, достаточные для предъявления обвинения либо в момент ареста, либо в период содержания под стражей¹¹.

Как видим, принципиально диссонирующее различие между понятием «обоснованное подозрение» и «обвинение» в европейском праве сложно заметить, все происходит на уровне субъективного представления судьи об «уровне» и «достаточности».

Этимологическое различие между понятиями «подозрение», «подозреваемый» и «обвинение», «обвиняемый» также весьма скупое. «Подозрение – предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-нибудь поступков, в справедливости чьих-нибудь слов, в честности чьих-нибудь намерений»¹². «Обвинение – признание виновным в чем-нибудь, приписывание кому-нибудь какой-нибудь вины, осуждение в чем-нибудь»¹³. Даже тщательный лингвистический анализ указанных определений не позволит нам провести между ними явную границу, а это очень важно для четкости действий правоприменителя.

По сути своей, разграничение указанных субъектов осуществляется исключительно на основе принятия процессуальных решений (составления процессуальных документов), базой которых является сугубо оценочный признак — достаточность имеющейся информации (данных или доказательств).

Как справедливо отмечает Е.В. Кобзева, «...в юридической практике во все времена существовала коллизия, при которой, с одной стороны, выступало стремление законодателя к идеальному, однозначному пониманию создаваемого им права, а с другой стороны — стремление правоприменителя к толкованию правовой нормы в своих интересах ... Правоприменитель ... получая слишком широкие рамки усмотрения, создает своей деятельностью постоянную и реальную угрозу ошибочного применения нормы. При этом ошибки не обязательно могут быть связаны (и, как правило, не связаны) с произволом и злоупотреблениями правоприменителя, а прежде всего, имеют причиной своего происхождения огромные трудности процесса интерпретации оценочных признаков, всегда сопряженного с вероятностью проявления излишнего субъективизма»¹⁴.

Учитывая паритетность правомочий данных участников уголовного судопроизводства, предлагается исключить подозреваемого из числа участников уголовного судопроизводства, распространив понятие «обвиняемый» на содержание ст. 91, 225 и иных статей уголовно-процессуального закона, с ними логически связанных, изложив дефиницию «обвиняемый» в следующей редакции:

«Обвиняемым является лицо:

- 1) либо в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены гл. 20 настоящего Кодекса;
- 2) либо которое задержано в соответствии со ст. 91 и 92 настоящего Кодекса;
- 3) либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 настоящего Кодекса;
- 4) либо которое уведомлено об обвинении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 настоящего Кодекса.
- 5) либо в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого».

Примечания

¹ См.: Чельцов М. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 278.

² См.: Карнеева Л. Процессуальное положение подозреваемого в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 12. С.20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Ратник А. Несостоятельность предложения о введении в процесс подозреваемого // Социалистическая законность. 1958. № 8. С. 31.

⁵ См.: Рахунов Р. Существенные вопросы уголовного судопроизводства // Социалистическая законность, 1958. № 7. С. 12.

⁶ См.: Рябин Р. Нужна ли «фигура подозреваемого»? // Социалистическая законность. 1957. № 2. С. 60

⁷ См.: Гольст Г.Р. Основные задачи предварительного расследования в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 70–80.

⁸ См. подробнее: Кольчугин А.Г., Карцева А.И. К вопросу о рассмотрении судом ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2008. № 22; Орлов Р. Процессуальные сроки содержания подозреваемых (обвиняемых) под стражей и порядок их продления // Законность. 2008. № 10; Парфенова М.В. Обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на защиту на досудебных стадиях уголовного процесса // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3 и др.

⁹ См.: Постановление Конституционного Суда России от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положений части первой ст. 47 и части второй ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова // Российская газета. 2000. 4 июля.

¹⁰ См.: Сальви М. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 гг. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 208.

¹¹ См.: Судебное решение от 28 октября 1994 г. «Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства» // ЕСПЧ. Избранные решения // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Ониск», ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. С. 529.

¹³ Там же. С. 411.

¹⁴ Кобзева Е. В. Теория оценочных признаков в уголовном законе / науч. ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 8.

Т.Ю. Маркова*

ЗАЩИТА ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

В соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) уголовное судопроизводство имеет своим назначением, с одной стороны, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, а с другой – защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Данная норма уголовно-процессуального закона принята в целях реализа-

* © Маркова Т.Ю., 2010

Маркова Татьяна Юрьевна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина